

УДК 323.2

РЕУТОВ Евгений Викторович –

к.соц.н., доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета.

308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

reutovevg@mail.ru

ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В РОССИЙСКОМ И УКРАИНСКОМ ОБЩЕСТВАХ CIVIL IDENTITY IN RUSSIAN AND UKRAINIAN SOCIETIES

Сравнительный анализ гражданской идентичности в России и Украине показывает ее зависимость от особенностей политического процесса, степени выраженности социокультурных расколов и социоэкономической дифференциации, а также от эффективности государства. В России, несмотря на ее социокультурную разнородность, в нулевых годах сложился базовый консенсус относительно роли государства, фигуры президента и отчасти – политического курса. В результате здесь уровень гражданской идентичности существенно превышает уровень региональной и местной идентичности. При этом в так называемых русских регионах гражданская и локальная идентичности уже не конкурируют, как это было в 1990-х гг. Для гражданской идентичности в России последствия кризиса в Украине и присоединения Крыма, а также конфронтации с Западом скорее всего будут иметь краткосрочный позитивный эффект.

В Украине гражданская идентичность выражена более слабо из-за наличия социокультурных расколов (центр, юго-восток и запад), нестабильности политического курса и низкой эффективности государства. Утрата Крыма означает для Украины достаточно ощутимое уменьшение доли лояльного к концепту украинской гражданской (и этнической) идентичности населения. Но геополитическая и социально-экономическая нестабильность в Украине не позволяет новой власти использовать противостояние с Россией в интересах общенациональной консолидации.

Ключевые слова: гражданская идентичность, российское и украинское общество, политический процесс, социокультурный раскол

Comparative analysis of civil identity in Russia and Ukraine shows its dependence on the characteristics of the political process, the severity of social and cultural schisms and socio-economic differentiation, as well as on the effectiveness of the state activities. In Russia, despite its socio-cultural diversity, in the 2000s a basic consensus on the role of the state, the figure of the President and, in part, on the political course was formed. As a result, the level of civil identity significantly exceeds the level of regional and local ones. In so called Russian regions civic and local identity no longer compete, as it was in the 1990s. The consequences of the crisis in Ukraine and affiliation of Crimea, as well as confrontation with the West will have likely a short-term positive effect for civil identity in Russia.

In Ukraine civil identity is more weakly expressed due to social and cultural schisms (centre, south-east and west), instability of political course and low efficiency of the state. The loss of Crimea means for Ukraine quite noticeable decrease of the population disloyal to the concept of Ukrainian civil (and ethnic) identity. But the geopolitical and social and economic instability in Ukraine does not allow the new government using confrontation with Russia in the interests of national consolidation.

Keywords: civil identity, Russian and Ukrainian society, political process, social and cultural schism

Социальная функция идентичности состоит в том, что она является одним из наиболее эффективных интегративных и мобилизационных механизмов. При этом его действие определяется не внешним при-

нуждением, но добровольным принятием субъектом идентификации модуса поведения, свойственного большой или малой социальной группе.

В соответствии с объектами идентификации социальная идентичность

может быть культурной (культурно-цивилизационной), этнической, политической, групповой, профессиональной и т.д. Специфика гражданской идентичности состоит в том, что она представляет собой чувство сопричастности не к примордиальным группам (семье, клану, этносу), об идентификации с которыми говорит «голос крови», а к политическому сообществу. В формировании гражданской идентичности ключевую роль играют вторичные агенты социализации, такие как государство, СМИ и пр. И поскольку гражданская идентичность, как правило, возникает позже многих других форм социальной идентичности (локальной, этнической, культурной и др., формирование которых во многом спонтанно и естественно), она нередко вступает в конфронтацию с ними.

Сложность формирования гражданской идентичности состоит также в том, что на ней напрямую отражается политика государства – в виде целенаправленного воздействия на патриотические чувства граждан и как спонтанный эффект, возникающий вследствие эффективности или неэффективности государства в обеспечении нормальной жизнедеятельности сообщества. Помимо политического фактора, на гражданскую идентичность очень сильно влияет дифференциация общества – наличие и степень выраженности социокультурных, территориальных и социоэкономических расколов.

Исследование гражданской, а также локальной, культурной (прежде всего, религиозной, конфессиональной) идентичностей представляет собой не только академическую задачу. В современном мире можно набрать огромное число примеров того, как идентификация по тому или иному признаку сплачивает или, наоборот, дезинтегрирует общества, снижает или увеличивает вероятность политических и межэтнических конфликтов. Нередко идентичность используется политиками как инструмент воздействия на массы. Последние события в Украине показали, насколько зыбкой может оказаться гражданско-государственная идентичность в условиях социокультурных расколов, политического хаоса, бессилия государства и воздействия внешних сил. И хотя

Украина является «крайним» примером, подобные процессы в той или иной мере характерны, по большому счету, для всех гетерогенных обществ.

Целью данной статьи является анализ гражданской идентичности в российском и украинском обществах, а также попытка установления взаимосвязи выраженности данного феномена с конкретными политическими процессами. Материалом для анализа послужили данные социологических мониторингов, проведенных в разные годы российскими и украинскими исследовательскими центрами.

И Россия, и Украина представляют собой общества с сильнейшими социокультурными (и даже цивилизационными) разломами. В России – это противоречия между традиционной, в основе своей православной культурой, не менее традиционной исламской культурой и прозападной либеральной культурой, не говоря уже о многочисленных промежуточных и периферийных вариантах и субкультурах. В Украине продолжается (и в значительной мере оформляется) социополитическое размежевание юго-востока, центра и запада страны. Переход Крыма под юрисдикцию России, с одной стороны, снижает уровень социокультурной дифференциации Украины, с другой – способствует дальнейшему развитию центробежных тенденций юго-восточных регионов. Социокультурная дезинтеграция в сочетании с низкой эффективностью государственного управления препятствуют формированию политической общности.

Для России проблема неэффективности государства не является столь серьезной, как для Украины, но стоит, тем не менее, достаточно остро. Большинство политических институтов обладают весьма слабой легитимностью, а прочность политической системы во многом зависит от фигуры «национального лидера». Тем не менее данные социологических исследований показывают высокий уровень гражданской идентичности россиян.

Процесс формирования идентичности носит многоступенчатый и противоречивый характер. С начала 1990-х гг. в РФ региональная идентичность во многом выполняла компенсаторную функцию

в условиях кризиса общенациональной идентичности, когда «население субъектов РФ оказалось в ситуации, сопоставимой — несмотря на кажущуюся абсурдность такой аналогии — с той, в которой пребывали древние племена в эпоху формирования у них мифологии» [Малякин 2000: 111]. Причем стихийное формирование региональных общностей зачастую опережало институциональное строительство. Соответственно этому проявления регионального сознания часто вступали в противоречие с официальной версией российского федерализма. Тем не менее эффект федерализации и приобретения областями и краями бывшей РСФСР статуса субъектов федерации (институциональный фактор) имел приоритетное значение для становления локальной идентичности (в особенности в «русских» регионах). «В отсутствие четких культурных границ между русскими ареалами политико-историческая или политико-административная идентификация становится естественным заменителем культурно-провинциальной» [Туровский 1999: 97]. Из неинституциональных факторов формирования региональной идентичности в 90-е гг. наибольшее значение имел лавинообразный процесс утраты центральной государственной властью социальной функции и ее тотальная неэффективность [Большаков 2003].

Первыми проявлениями региональной идентичности стало формирование политического самосознания в этнических республиках, которые в 1990–1991 гг. провозгласили суверенитет. В результате представители титульного этноса стали считать первичной и определяющей свою принадлежность именно к республике, а уже потом — к России. Усиление автономистских тенденций в республиках стимулировало похожий, хотя и менее интенсивный процесс в краях и областях России [Туровский 1999: 91]. В итоге формирование региональной идентичности в политическом пространстве России было неравномерным. В этнических республиках, где уже существовал опыт хотя и декоративной, но все же государственности в рамках автономных республик, обладавших своими конституциями, инициаторами региональной

идентификации стали республиканские элиты. В областях и краях России формирование региональной идентичности было более спонтанным процессом, и общегражданская идентичность там оставалась более значимой.

Тем не менее в России, несмотря на ее социокультурную разнородность, в нулевых годах сложился базовый консенсус относительно роли государства, фигуры президента и отчасти — политического курса. По результатам мониторинга ВЦИОМа (2014 г.), 63% респондентов признали себя, прежде всего, «гражданами России», «жителями своего региона, города, села» — 24% и представителями этнической группы — 20%. На протяжении второй половины нулевых — первой половины 2010-х гг. это соотношение менялось, но не очень сильно. Так, в 2008 г. был зафиксирован пик общегражданской идентичности. Гражданами России в первую очередь признавали себя 70% опрошенных, носителями локальной идентичности — 22%. К 2009 г. удельный вес носителей локальной идентичности снизился до 12%, общегражданской — до 48%¹.

Из этого следуют, по крайней мере, два вывода. Во-первых, в современных условиях в России общегражданская и локальная идентичности фактически уже не конкурируют, как это было в 1990-е гг. По крайней мере, так обстоит дело в «русских» регионах. Ситуация в этнических республиках представляется более сложной. Во-вторых, достаточно очевидной представляется взаимосвязь динамики гражданской идентичности с экономической и политической ситуацией в обществе. Во-первых, 2008 г. был последним предкризисным годом; во-вторых, конфронтация с Грузией способствовала негативной консолидации российского общества. В 2009 г. начали сказываться последствия финансово-экономического кризиса, и это ощутимо повлияло на уровень самоидентификации граждан с политическим сообществом. Одновременно, по данным опроса, возрастает уровень «абстрактно-видовой» идентичности

¹ Патриотизм и гражданство. Опрос ВЦИОМа от 19 марта 2013 г. Доступ: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114751> (проверено 22.03.2014).

— «просто человек» — с 26% в 2008 г. до 30% в 2009 г.¹

Ситуация с общегражданской идентичностью в Украине, как отмечалось ранее, представляется гораздо более сложной ввиду наличия постоянно актуализирующихся социокультурных (а в настоящее время — и геополитических) расколов. «Автономистские интересы части украинского общества пока еще имеют черты не столько осознанного политического интереса достижения определенных целей... сколько проявления реакции самозащиты в условиях неудовлетворенности нерешенностью вопросов своей культурно-цивилизационной самоидентификации» [Зоткін 2013: 89].

На протяжении 1992–2013 гг., по данным Института социологии НАН Украины, уровень общегражданской идентичности не поднимался выше 54,6% (в 2005 г.). И этот пик, по-видимому, был обусловлен эйфорией общества от «оранжевой революции», в ходе которой народ в лице националистической и одновременно прозападной контрэлиты одержал победу над властью. Удельный вес респондентов с региональной и местной идентичностью в совокупности составлял тогда 33,9%. В 2013 г. доля респондентов с общегражданской идентичностью снизилась до 50,6%, с региональной и местной идентичностью — увеличилась до 36,4% [Українське суспільство... 2013: 490]. В 2012 г., по данным Центра Разумкова, отвечая на вопрос: «В последнее время говорят о том, что украинское общество разделилось на две почти враждующие части по региональному признаку. Как Вы считаете, существует ли такой раскол общества?» — 41,9% респондентов отметили наличие такого раскола, 42% — его отсутствие. При этом наибольшее число респондентов, отметивших наличие межрегионального раскола (59,5%), было зафиксировано в южной части Украины (в том числе в АР Крым)². Тем не менее даже в январе 2014 г. идею

федерализации Украины не поддерживало абсолютное большинство респондентов — 61,4% против 15,8% (данные Центра Разумкова). Достаточно немного респондентов высказывалось за выход своей области из состава Украины на правах независимости (4,5%) или присоединение ее к другому государству (5,5%). Причем в южных и восточных регионах эта доля также не была критической. На юге Украины идею создания самостоятельного государства поддержали 12,7% опрошенных, присоединение к другому государству — 13,1%. На Востоке соответствующие доли респондентов составили 4,7% и 8,6%³.

Можно предположить, что последствия Евромайдана и присоединения к России Крыма будут иметь двойственное значение для общегражданской идентичности населения Украины. С одной стороны, отделение Крыма означает для Украины достаточно осязаемое уменьшение доли нелояльного к концепту «украинской» гражданской (и этнической) идентичности населения. С другой — геополитическая и социально-экономическая нестабильность в Украине не позволяет новой власти использовать противостояние с Россией в интересах общенациональной консолидации.

Для гражданской идентичности в России последствия кризиса в Украине и присоединения Крыма, а также конфронтации с Западом, скорее всего, будут иметь краткосрочный позитивный эффект. Социологические опросы демонстрируют восприимчивость россиян к конфронтационной и патриотической риторике и рост на этой волне поддержки политического курса и действий президента. Однако неблагоприятные экономические последствия от аннексии Крыма, санкций со стороны западных стран и, главное, от милитаризации экономики и вынужденной в силу этого реструктуризации социальных расходов может оказать негативное влияние на гражданскую идентичность в долгосрочной перспективе.

¹ Там же.

² Останнім часом говорять про те, що українське суспільство розділилося на дві майже ворогуючі частини за регіональною ознакою. Як Ви вважаєте, чи існує такий розкол суспільства? (регіональний розподіл). — Центр Разумкова. Доступ: http://razumkov.org.ua/ukr/poll.php?poll_id=871 (проведено 22.03.2014).

³ Ставлення громадян України до різних варіантів її територіального устрою: Результати соціологічного дослідження. — Центр Разумкова. Доступ: http://razumkov.org.ua/ukr/news.php?news_id=452 (проверено 22.03.2014).

Статья подготовлена в рамках Задания №2014/420 на выполнение государственных работ в сфере научной деятельности в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России (рук. В.П. Бабинцев).

Литература

Большаков С. 2003. Проблемы региональной идентичности в российском политическом пространстве. — *Управленческое консультирование*, № 1. Доступ: <http://uk-archive.narod.ru/2003/n01/s03-1-06.htm> (проверено 01.04.2014).

Зоткін А. 2013. Тенденції автономізму та унітаризму в українському суспільстві (2009-2013 рр.). — *Українське суспільство 1992–2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг* (за ред. д.ек.н. В. Ворони, д.соц.н. М. Шульги). К.: Інститут соціології НАН України. Р. 89-97.

Малякин И. 2000. Российская региональная мифология: три возраста. — *Pro et contra*. Т. 5. № 1. С. 109-122.

Туровский Р. 1999. Региональная идентичность в современной России. — *Российское общество: становление демократических ценностей*. М.: Центр Карнеги. С. 87-136.

Українське суспільство 1992-2013. Стан та динаміка змін. Соціологічний моніторинг (за ред. д.ек.н. В. Ворони, д.соц.н. М. Шульги). 2013. К.: Інститут соціології НАН України, 566 р.

УДК 316.752

МАСЛИКОВ Вадим Александрович –

к.соц.н., доцент; доцент кафедры социологии управления Государственного университета управления. 109542, Россия, г. Москва, Рязанский пр-кт, 99
virtu69@mail.ru

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ МАЙДАНА AXIOLOGICAL FACTORS OF MAIDAN

В статье рассматриваются аксиологические факторы протестного движения Майдана 2014 г. Выдвигается гипотеза, что причина социального конфликта, возможно, заключается в игнорировании права на реализацию потребностей, детерминированных базовыми ценностями общества. Проведенное автором в феврале 2014 г. исследование, респондентами которого были непосредственные участники беспорядков, показало, что в украинском обществе явно выделяются признаки археомодерна – несоответствия базовых ценностей и ценностных ориентиров украинского народа культурной, идейно-политической, нормативно-правовой и социальной политике Украины, когда стихийно установившиеся традиционные правила поведения не соответствуют установкам и предписаниям времени. Не имеющие возможности быть реализованными, ценности и ценностные ориентиры вызывают, таким образом, проявление форм фрустрации и аномии, что позволяет легко активизировать протестные настроения.

Ключевые слова: базовые ценности, протест, археомодерн, модель ценностей, Майдан

This article deals with axiological factors of protest movement of the Maidan-2014. The author presents the hypotheses that a possible reason of social conflict is ignoring the right for realization of requirements determined by the basic values of society. The investigation, conducted by the author in February, 2014 among direct participants of the riots as respondents, has indicated the presence of signs of archaic modern in Ukrainian society. The modern Ukrainian society has contradictions of basic values and value orientations of Ukrainian people with cultural, ideological and political, regulatory and social policy of Ukraine, when spontaneously established traditional rules of behavior does not correspond to the facilities and requirements of the epoch. Values and value orientations, which cannot be realized, cause development of frustration and anomie that allows activating the protest mood.

Keywords: base foundations, protest, archaic modern, model of values, Maidan